

DOI 10.21672/1818-510X-2020-62-1-043-054

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Шестакова Марианна Николаевна, кандидат географических наук, ведущий эксперт,
старший преподаватель
Московский государственный институт международных отношений – Университет
МИД России
Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76
E-mail: marianna@rapn.ru

Проанализирован опыт исследований в отечественной электоральной географии за последние четверть века. В основе работы лежит изучение понятийного аппарата данного направления политической географии. В частности, разбору подлежат такие термины, как «электоральный ландшафт», «электоральное пространство» и др. Особое внимание уделяется обзору используемых методов, как, например, метод расколов/размежеваний, модель «центр-периферия». Одновременно рассматривается опыт отечественной науки по исследованию границ и пограничья с выделением «диалектических» противоречий сущности данных понятий. Особое внимание уделяется такому малоизученному феномену, как потенциал электоральных исследований на пограничье, а также возможностям взаимовлияния в электоральном выборе в соседних пограничных регионах, которые позволяют выявлять поведение избирателей, живущих по соседству, но принадлежащих к разным политическим системам. Это особенно актуально для отечественной школы, поскольку российская граница в данном кейсе выступает обширной эмпирической базой для подобного рода исследований.

Ключевые слова: политическая география, электоральная география, методы электоральной географии, электоральный ландшафт, пограничье, электоральные процессы в пограничье России и зарубежных стран

ELECTORAL STUDIES OF BORDER TERRITORIES IN DOMESTIC SCIENCE: STATE OF ART AND PROSPECTS

Shestakova Marianna N., Ph. D. (Geography), Leading Expert, Senior Lecturer
Moscow State Institute of International Relations – University Russian Foreign Ministry
76 Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russian Federation
E-mail: marianna@rapn.ru

The article proposes the analysis of the national electoral geography research over the past quarter century. The emphasis is done on key concepts used in this special area of political geography, such as "electoral landscape", "electoral space", etc. Particular focus is paid to the methods, such as the splitting/delimiting method, the center-periphery model. The article covers the issue of borders and frontiers in the framework of the Russian science, stressing the original "dialectic" contradictions of these concepts. Particular attention is paid to such challenging and thus not fully studied issues as electoral research on the borderlands and the possibility of mutual influence in the electoral choice in neighboring border regions, which allow to reveal the behavior of voters living in the neighborhood, but belonging to different political systems. This is especially actual and relevant for the national school, since the Russian borders could be qualified as an extensive empirical basis for this kind of research.

Keywords: political geography, electoral geography, methods of electoral geography, electoral landscape, borderland, electoral processes in the borderland of Russia and foreign countries

Уже более четверти века российское академическое сообщество исследует электоральную проблематику. Началом возникновения отечественной электоральной географии как самостоятельного и востребованного направления политической географии принято считать

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по проекту Российского научного фонда (проект № 19-78-10004 «Трансформация электорального поведения в регионах зарубежных стран, приграничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ») (This article was prepared as part of a study on the project of the Russian Science Foundation (project No. 19-78-10004 "Transformation of electoral behavior in the regions of foreign countries bordering the Russian Federation: a comparative spatial analysis")).

появление сборника «Весна 89. География и анатомия парламентских выборов», изданного по итогам первых альтернативных парламентских выборов 1989 г. в СССР [10]. Некоторые авторы полагают, что отправным пунктом для исследований все же следует считать президентские выборы 1991 г. или даже выборы в Государственную думу Российской Федерации 1993 г.

В текущем году отечественным исследованиям в области электоральной географии исполняется фактически 30 лет, что, тем не менее, не снижает общего интереса и актуальности электоральной повестки. Вопросы географии голосования населения, его электорального поведения, изучения электорального пространства находятся на междисциплинарном стыке исследований, так как данными вопросами активно занимаются политологи, географы, социологи, психологи, историки, а также представители других социо-гуманитарных отраслей знания. Заметно усложнились методы, прошедшие, как и многие направления, путь от качественных, преимущественно описательных, к большему разнообразию в виде количественных математических инструментов и методов. Сегодня можно с уверенностью констатировать, что электоральная география занимает прочное место в политической географии, исследуя существенно важный и актуальный пласт сюжетов.

У истоков электоральной географии в современной России, как, впрочем, и всей политической географии, стоят ученые-географы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: А. В. Березкин, В. А. Колосов, Н. М. Мироненко, Н. В. Петров, Л. В. Смирнягин, Р. Ф. Туровский, В. Е. Шувалов и др. Именно они в конце 1980-х – начале 1990-х гг. обратили пристальное внимание на данную отрасль научного знания, которая к этому времени получила широкое освещение в рамках зарубежной школы. По аналогии со своими иностранными коллегами географов московской школы отличал весьма комплексный подход постановки задачи и изучения предмета исследования. Параллельно шло становление питерской школы, начало которой положили К. Э. Аксенов, Н. В. Каледин, С. Б. Лавров и др.

Можно с уверенностью сказать, что многие труды по электоральному ландшафту России и политической регионалистике стали классикой: «Политический ландшафт как категория политического анализа» [42], «Электоральная карта современной России: генезис, структура, эволюция» [21], «Электоральный ландшафт России» [31], «Концептуальная электоральная карта постсоветской России» [40] и т.д.

Примерно в это же время выходят и первые учебные пособия, по которым до сих пор продолжают учиться студенты: «Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции» [16], «Политическая география мира» [11], «Политическая география» [41], «Геополитика и политическая география» [18].

Безусловно, в своих работах исследователи опирались на зарубежный опыт. Так, например, Р. Ф. Туровский в «Политической географии» ссылается на труды американского и английского географов П. Тэйлора и Р. Джонстона, американского и норвежского социологов Липсета и Роккана, американского географа и урбаниста Джона Фридмана, немецкого географа А. Лёша и ряда других, чьи исследования в политической географии и иных, порой даже не смежных дисциплинах, сыграли существенную роль в электоральной географии и определили траекторию ее развития в будущем.

Р. Ф. Туровский в своем учебнике (вышедшем одним из первых в постсоветской России) уделяет большое внимание электоральной географии, опирается на опыт иностранных предшественников и выделяет вслед за новозеландским ученым А. Макфэйлом три направления в электоральной географии: «география голосований; исследование географических факторов, влияющих на голосования; география представительства» [41, с. 288–289].

Для В. А. Колосова и Н. С. Мироненко в качестве актуальной тематики выступают «1) политико-географические аспекты общенационального и регионального избирательного законодательства (деление территории на избирательные округа, распределение по ним мандатов и нормы представительства и др.); 2) факторы, результаты и стабильность голосования на всех типах выборов, прикладные аспекты, связанные с избирательными технологиями (избирательные ресурсы партий и кандидатов, выбор одномандатных округов для баллотирования кандидатов, разработка стратегии и территориальная дифференциация избирательной кампании и др.)» [18, с. 286].

Заметим, что и спустя годы в электорально-географических изысканиях молодые исследователи по-прежнему придерживаются в своих работах классического подхода, который американский географ П. Тэйлор обозначил как «географию голосований, географию электоральных размежеваний, географию представительства» [28, с. 396].

С момента возникновения электоральная география в России остается в целом синонимичной всей политической географии, поскольку открывшиеся перспективы для изучения электоральных процессов, электорального поведения, электорального пространства (т. е. всего, к чему можно добавить прилагательное «электоральный»), начиная с первых демократических выборов, образно говоря, «вскружили голову» ученым. В отечественной науке, как и в зарубежной, по словам П. Тэйлора и К. Флинта, «электоральная география была историей успеха современной политической географии» [цит. по: 30, с. 60].

Лишь спустя почти десятилетие с момента выхода первых работ географов по отечественной электоральной географии это предметное поле прочно заняли политологи, социологи и ученые других дисциплин.

Р. Ф. Туровский отмечает, что отечественной электоральной географии не удалось избежать недостатков «описательности и отсутствия единой методики» [41, с. 300]. Однако подобная критика применима для многих направлений молодой науки, которые опирались на начальный этап своего становления на зарубежный опыт. Вместе с тем электоральная география в России идет по пути усложнения исследовательского поля, наращивания методологической базы, успешно осваивая математические, социологические, политологические методы анализа. При этом традиционные методы исследования – описательные, картографические, географические – до сих пор активно используются в качестве научного инструментария. В электоральной географии в целом широко используются методы смежных дисциплин, поскольку данное направление имеет явно выраженный междисциплинарный характер.

Среди наиболее востребованных методов, активно применяющихся в электоральной географии, – факторный, корреляционный анализы, а также разработка и применение различного рода индексов на основе данных методов.

Самый востребованный метод, получивший повсеместное распространение в электоральной географии, – метод расколов или размежеваний (термины синонимичны в отечественной литературе и выбор их применения зависит исключительно от автора), – был разработан американским и норвежскими социологами и политологами С. М. Липсетом и С. Рокканом. Они предложили разделять общество по ряду признаков: город – село, государство – церковь, центр – периферия. Этот поистине универсальный метод используется в подавляющем числе работ, посвященных электоральной географии, и не только. Особенно популярен он стал после выхода перевода статьи авторов в журнале «Политическая наука» в 2004 г. [24].

Российские географы существенно расширили данный метод и, применив его в электоральной географии, выделили новые территориальные расколы, придав им географическое звучание, как например, «Север – Юг» [46], «русская Россия» и «Россия национальных образований» [29, с. 91] и ряд других, сконструировав новые смыслы на стыке электоральной географии и политологии: политического ландшафта [42], электорального ландшафта постсоветской России, главной единицей которого является регион, который «можно определить как целостную устойчивую во времени и в пространстве систему закономерно взаимосвязанных элементов (типов) электорального поведения» [37, с.107] (выступление Н. В. Петрова «Электоральный ландшафт: географический и политологический» на Круглом столе в журнале «Полис»).

Вслед за «электоральным ландшафтом», получает свое развитие термин «электоральное пространство». По мнению А. С. Ахременко, «потенциал концепта «электоральное пространство» реализован явно не в достаточной степени». Автор определяет «электоральное пространство» как множество электоральных объектов <...> с заданной на нем структурой, понимаемой как количественная упорядоченность пространственных отношений между такими объектами» [5, с. 39].

Особенно активно используют сложные математические методы в своих исследованиях, а также применяют метод расколов, ученые-политологи: А. С. Ахременко, Ю. Г. Коргунюк, Р. Ф. Туровский и др.

В своих работах ученые ищут оптимальные методы и методологию целостного сопоставления электоральных данных, разработки индексов, показывающих электоральную уникальность каждого региона («показатель электоральной уникальности – мера того, насколько отличаются голосование в данном регионе от голосований во всех других регионах совокупно») [6, с. 131].

Ю. Г. Коргунюк в целом ряде своих работ подробно изучает метод размежеваний в свете различных циклов российских выборов, исследует его в различных плоскостях, выделяя его структуру, концепцию, активно применяя математические методы [22; 23].

Отметим также, что одна из линий размежевания, выделенных Лиспетом-Рокканом – «центр – периферия» – заняла особо место в географических и политологических исследованиях. Разработанная еще в 1960-х гг. американским географом Дж. Фридманом для экономической географии применялась в качестве модели развития взаимодействия центра и периферийных территорий. В свое время она продолжила теорию центральных мест немецких географов В. Кристаллера и А. Лёша. О пространственной поляризации писал и выдающийся отечественный географ Б. Б. Родман [35]. (В контексте международно-политической науки данная проблематика активно представлена работами И. Валлерстайна, выдвинувшего в 1970-х гг. мир-системную теорию с выделением в качестве основы анализа – центр, периферия, полупериферия.)

Немного изменив вектор, модель «центр – периферия» стала очень востребована в отечественной науке в целом и в электоральной географии в частности. На базе данного метода Р. Ф. Туровский сконструировал концептуальную карту постсоветской России, изучая вертикальные и горизонтальные политико-географические измерения электоральных процессов. В вертикальном измерении пространства, опираясь на «центро-периферийный метод», он выделил идеальные типы электоральных культур: «столичная; квазистоличная; индустриальные полупериферии; оборонные полупериферии; этнические периферии; русские периферии» [40, с. 164].

Беря за основу горизонтальные расколы, автором были предложены следующие идеальные типы электоральных структур по географическому признаку, представляющие совокупность региональных электоральных структур: «циркумполярная; северная (северо-западная); восточная (сибирская и дальневосточная); южная (с целым рядом переходных типов); предкавказская и урало-тюменская» [40, с. 164].

Масштаб исследований электоральной географии различен: от национального (президентских и парламентских выборов), до выборов локального (муниципального) уровня (Т. Б. Витковская, Т. Н. Митрохина, Н. Б. Чувилина и др.). Важную роль играет оптика исследования: самым распространенным территориальным уровнем исследований являются субъекты Федерации, регионы в сложившейся сетке АД, либо муниципальные единицы; но ряд ученых считает наиболее правильным изучение микроуровня, который отражает в максимальной степени объективно и достоверно суть электоральных процессов. Именно микроуровню – территориальному избирательному участку – как самому дробному уровню исследования уделит внимание В. С. Тикунов, рассчитав «индекс электоральной управляемости» [29, с. 82]. Именно «расчет интегрального индекса «электоральной управляемости» корректно выделяет совокупность всех ТИК, в которых указанные показатели систематически отклоняются в ту или иную сторону от неких «центральных» и «наилучших» значений» [29, с. 83]. Благодаря расчетам данного индекса, по мнению автора, можно выделить «компактные поля ТИК с особой электоральной культурой», которая «воспроизводится от выборов к выборам – как регионального, так и федерального уровня» [29, с. 83].

Электоральной проблематикой как политическим процессом в конкретных регионах страны в разные годы занимались политологи из Москвы (А. В. Кынев), Санкт-Петербурга (Н. А. Баранов, О. В. Лагутин), Перми (К. А. Сулимов, Н. В. Борисова), Астрахани (Н. В. Гришин, Э. А. Зелетдинова), Ульяновска (М. Ю. Завгородняя), Краснодара (А. В. Баранов). Сыктывкара (В. А. Ковалева), Владимира (Р. В. Евстифеева), Томска (Е. В. Попова), Барнаула (Я. Ю. Шашкова), Чебоксар (А. В. Шумилов), Калининграда (И. Н. Тарасов, М. И. Кришталь) и многие другие.

В целом, можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство исследователей в своих работах по электоральной проблематике так или иначе в основном используют два

главных метода: размежеваний / расколов и центр-периферийную модель электорального пространства, опираясь на разного уровня сложности математические расчеты и методы.

На основе объективных и субъективных факторов, к которым можно отнести социально-экономические, демографические, культурно-исторические и целый ряд других, ученые конструируют различные типологии электорального поведения, пространства государства.

Еще одним важным и, несомненно, географическим методом для исследования электорального пространства и процессов является районирование. Нельзя не согласиться с Р. Ф. Туровским, который отмечает, что «важнейший результат электорально-географического исследования – электоральное районирование территории» [41, с. 296]. И такое районирование предполагает, по мнению автора, в идеальном исследовании вычленение синтетических районов, «каждый из которых выделяется по комплексу признаков и уникален», при этом «в случае с электоральной географией под синтетическими районами подразумеваются региональные политические (электоральные) культуры», выделение которых является важнейшей задачей, «венцом» электорально-географического исследования» [41, с. 297]. При этом Туровский рассматривает электоральное пространство в двух измерениях: социокультурном и региональном, последнее имеет в свою очередь два измерения: вертикальное, которое «связано с формальным и неформальным статусом территориального сообщества в рамках данного государства; с отношениями типа «центр – периферия» и горизонтальным, т. е. «идентификацией данного сообщества с помощью уникального географического названия» [43, с. 8]. Прав исследователь, утверждающий, что в любую самую сложную многофакторную модель с большим числом переменных «должны вводиться экспертные оценки, связанные с региональным и этнокультурным измерением» [43, с. 16].

В течение последующих лет некоторые авторы пытались осуществлять электоральное районирование территории страны или ее отдельных регионов. Так, например, Н. В. Гришин в своей монографии «Динамика электоральных предпочтений населения Юга России» предпринял попытку районирования территории Юга России по электоральным ориентациям, выделил их объективные и субъективные факторы [12].

Однако, на наш взгляд, задача выделения на территории России «множества синтетических районов» [41, с. 367] с уникальным набором электоральных характеристик пока не решена и вряд ли будет решена в ближайшем будущем.

С процессом изучения электоральных процессов тесно связано и электоральное поведение населения, которое собственно и является основой для электоральных процессов и формируемого электорального пространства. Исследование электорального поведения граждан носит как прикладной характер, так и играет заметную роль в фундаментальных исследованиях.

Среди научных групп, в настоящее время активно занимающихся в электоральной проблематикой, выделяются НИУ ВШЭ (в частности, лаборатория региональных политических исследований) и лаборатория качественных и количественных методов анализа политических режимов), МГУ им. М. В. Ломоносова (лаборатория регионального анализа и политической географии), МГИМО МИД России (центр пространственного анализа международных отношений).

Практически одновременно с интересом к электоральным процессам появилась потребность в исследовании границ и пограничных территорий, нового пограничья на российском и постсоветском пространствах. В отечественной науке термин «пограничье» связан в большей степени с этно-культурным и историческим, а также археологическим феноменом. Львиная доля научных работ в этой области относятся к пограничью как особому культурно-историческому, этническому, конфессиональному и даже фольклорному и лингвистическому пространству. Тем не менее, стоит отметить, что за последние десятилетия границы и пограничье стали предметом изучения политико-географов, социологов, политологов, поскольку «государственные границы – одно из воплощений линий размежевания (cleaveges) в человеческом обществе» [28, с. 300]. (Можно пойти дальше и сказать, что любые границы, не только государственные, являются линиями размежеваний, и в разное время и в различном пространстве эти расколы в зависимости от влияния разнообразных факторов, могут либо углубиться, либо, напротив, нивелироваться.)

Одним из пионеров в изучении границ и пограничья в советское время был уже упомянутый ученый-географ Б. Б. Родоман, который фактически стал одним из основоположников географической лимологии [34].

После распада Советского Союза границы и прилегающие территории оказались под пристальным вниманием, поскольку практически в одночасье претерпели изменения, как в своем политико-правовом статусе (из внутриобластных и административных превратились в государственные), так и в связи с достаточно резкими изменениями социально-политической и экономической ситуации, притом не всегда в позитивном ключе, поскольку зачастую они разрушали единую инфраструктуру: «социально-экономические системы, в том числе системы расселения и транспортные сети» [17, с. 90]. При этом значительная часть границ до сих пор «не получила договорно-правового обеспечения» [17, с. 89], к тому же за последние 5 лет появились участки и совершенно нового пограничья.

Важными трудами, оказавшими большое влияние на последующие исследования, стали работы Р. Ф. Туровского и В. А. Колосова: «Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество» [19], «Типология новых российских границ» [20] и ряд других.

Интересны работы российских географов о пространстве государства в целом и границах: С. С. Артоболевского, Л. Б. Вардомского, А. И. Трейвиша, П. Я. Бакланова, Н. Ю. Замятинной и др. [1; 2; 4; 9; 14].

В. А. Колосов совершенно справедливо выделяет в качестве основных отличительных черт нового российского пограничья «протяженность и исключительное разнообразие морфологических особенностей» [17, с. 90].

По мнению многих ученых, приграничные регионы в России в настоящее время – это зоны периферийности, окраинности, особенностью которых является «остаточность финансирования, недостаточно развитая инфраструктура» [33, с. 248]. Чаще всего они поражены «трансформационной депрессией» [13, с. 153], несут на себе крайне негативную характеристику территорий с «отсутствием континуума российских поселений» [45, с. 24], большая часть из которых «находится на грани полного обезлюдивания» [8, с. 4].

Сотрудники лаборатории социально-экономических проблем Института географии РАН во главе с С. С. Артоболевским в проводили масштабные полевые исследования приграничных территорий в частности российско-белорусского пограничья. Их выводы неутешительны: новое пограничье, которое могло бы выступать в качестве локомотивов трансграничного сотрудничества, оказывается в сложных условиях нарастания барьерных функций границ. Сотрудничество в большей степени осталось на уровне муниципальных образований в культурной и гуманитарной сферах. При этом, возможно, более важную роль играет не сам факт экономического трансграничного сотрудничества, а именно взаимодействие на локальном уровне с возможностью поиска общей идентичности, языка, культур, т.е. социо-гуманитарной сферы, нежели экономической и геополитической. Преобладание в большей степени социокультурного аспекта активного взаимодействия на российско-эстонской и российско-латвийской участках границ выражается в интенсивных родственно-дружеских, культурных и гуманитарных связях, отмечает, в частности, А. Г. Манаков [25, с. 100].

Ряд авторов обращает свое внимание на тот факт, что «приграничные регионы занимают двойственное положение в социально-экономическом пространстве государства, будучи одновременно и центром связей, и периферией своего государства» [13, с. 7], т. е. присутствует явно выраженная диалектика: «являясь периферией страны, приграничные территории становятся центром региона, жизнь которого определяется задаваемыми границей правилами» [26, с. 13]. Амбивалентность пограничья выражается и в том, что оно «является площадкой для развития как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов» [33, с. 248].

При этом приграничность и периферийность можно рассматривать в качестве некоторого рода антонимов: если «периферийность <...> объясняет причины многих отрицательных явлений, а приграничность дает при определенных условиях дополнительные возможности для развития» [27, с. 62].

Существуют разные подходы к концепту пограничье. Это и подход исследователей, считающих, что понятие приграничье (*bordeland*) должно рассматриваться «не как два близлежащих региона по обе стороны границы, но как единое экономическое пространство» [13, с. 7], «как единое социальное пространство» [26, с. 13] наличествует также концепция, характеризующая пограничье как некий разлом, «пересечение цивилизаций», или как транскультурность,

точку соприкосновения и взаимодействия двух и более культур, а также «пограничье – роль проводника идей для обоих центров и переводчика языка одной ценностной системы на язык другой» [39, с. 20], т. е. велико значение символической роли пограничья.

Несмотря на очевидную, и усиливающуюся в последнее время периферийность (в худшем значении этого слова) приграничных территорий, исследователи все же считают данные регионы потенциальными «естественными локомотивами региональных интеграционных процессов и развития двусторонних отношений» [36], «международными коридорами развития» [44, с. 80], рассматривают их в качестве «естественных «мостов» экономического сотрудничества соседних стран» [7, с. 20].

Безусловно, на разных участках пограничья различно соотношение контактных и барьерных функций границ. Так, например, российско-белорусское или российско-казахстанское пограничье достаточно транспарентны, в отличие от усиливающихся барьерных функций российско-украинского, российско-прибалтийского пограничья. Идея создания и развития еврорегионов (в России – Днепр, Ливония, Слобожанщина, Ярославна), столь популярная в Европе, и которую сначала с энтузиазмом восприняли и у нас, пока не выдерживает проверку реальной политикой.

Самыми детальными исследованиями в области лимнологии являются те, которые подкреплены полевыми экспедициями. Традиционно такими изысканиями занимаются географы. Однако и политологи, и социологи также активно используют эмпирические методы, характерные для других научных направлений. Это и анкетирование населения, методы экспертных оценок и включенного наблюдения и т. д.

Пожалуй, самым комплексным и последовательным многолетним изучением нового российского порубежья занимаются в лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Последние актуальные работы лаборатории связаны с исследованиями постсоветского пограничья России между Востоком и Западом; изучением «фантомных» границ; символическим ландшафтом пограничья; аспектами трансграничного взаимодействия, в том числе и внутри разделенных городов; и ряду других. Можно с уверенностью сказать, что последнее исследование сотрудников Института географии «Российское пограничье: вызовы соседства» [36] охватывает все сферы пограничья как «сложной и взаимосвязанной системы, реагирующей как целое на <...> изменения на любом ее участке» [36, с. 12]. При изучении всего спектра вопросов, связанных с этим феноменом, очень важно «сопоставление <...> не только в российских приграничных регионах, но и на соседних территориях вдоль всей линии границы» [36, с. 12].

Пожалуй, единственный вопрос, который оказался вне фокуса интересов авторов комплексного и очень сложного исследования, изучение особенностей электорального поведения граждан пограничья, проживающих по обе стороны границ.

Специальными электоральными исследованиями в приграничных регионах практически никто не занимался; ряд исследователей отмечал некие особенности голосования приграничных регионов и выделял особый «Фронтальный тип голосования» [40], относя, фактически, к этому типу только Калининградскую и Псковскую области.

Можно отметить активную роль в данных исследованиях ученых из Балтийского федерального университета (что совершенно логично и обусловлено уникальным характером эксклавности и фронтальности Калининградской области), а также ученых Псковского и Санкт-Петербургского университетов. В Курском государственном университете в течение последних пяти лет проходит ежегодная международная конференция «Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации», посвященная концепциям и проблемам, связанным с границами и пограничьем.

Однако, на наш взгляд, таких исследований явно недостаточно. За редким исключением пограничные регионы упоминаются в общем анализе регионов страны. Вместе с тем приграничное положение, возможно, является тем важным фактором, который может оказывать влияние на электоральное поведение населения, меняя электоральное пространство приграничья. Хотя некоторые авторы считают, что пока рано говорить о сформированности какого-то особого приграничного кластера, жители которого не осознали положение своей территории «на глубинном уровне как приграничное» [32, с. 70]. Представляется актуальным исследовательский

интерес в области возможного взаимного влияния пограничных территорий друг на друга и в том, есть ли влияние соседства, и, если да, то в какой степени.

В отечественной науке практически нет работ, посвященных электоральному пространству зарубежного пограничья. Среди российских исследователей, занимающихся данной тематикой, можно выделить работы ученых Балтийского федерального университета им. И. Канта И. Н. Тарасова и Е. С. Фидри [38], а также Санкт-Петербургского государственного университета – А. С. Зиновьева [15]. В обеих работах предпринята попытка анализа внутрирегиональных расколов электорального поведения приграничного с Россией Варминско-Мазурского воеводства Польши и соседней Литвы. Электоральные процессы рассматриваются «в рамках пространственно-временных электоральных систем» [15, с. 48]. Для оценки динамики электорального пространства исследуется «география волатильности электорального процесса» [38, с. 79].

И. Н. Тарасов и Е. С. Фидря приходят к выводу: административная реформа, которая пошла путем укрупнения регионов, не принесла ожидаемого эффекта. Авторы показывают это на примере нового Варминско-Мазурского воеводства; они убеждены, что «географическое «выравнивание» электоральной волатильности с запада на восток оказалось среднесрочным» [38, с. 85] и «в будущем воеводская периферия будет определять основные политические расколы и повестку региональной политики» [38, с. 86].

А. С. Зиновьев, напротив, считает, что «геополитический раскол политической элиты стал одним из ключевых факторов территориально-политической организации литовского общества» [15, с. 48]. Опираясь на значительную эмпирическую базу, включающую несколько электоральных циклов (президентские выборы и два референдума), автор выделяет устойчивые территориальные расколы в государстве и обосновывает динамику электоральных предпочтений отдельных регионов. Так, например, на юго-востоке Литвы, в зоне проживания польского меньшинства, до сих пор сохраняется «специфический политико-географический район» [15, с. 56].

Электоральные исследования в России за последние десятилетия прошли значительную, но неровную эволюцию, с взлетами и падениями, в результате чего накопился большой теоретический и эмпирический опыт пространственного анализа результатов выборов. В то же время в данном направлении остаются перспективные, не в полной мере раскрытые области. В первую очередь это касается сравнительных – кроссгеографических и кросстемпоральных – электорально-географических исследований. Электоральная география, несмотря на существенные аналитические возможности, остается по существу описательной дисциплиной: в работах чаще всего интерпретируются результаты только одного избирательного цикла в одной стране или регионе.

Отдельно следует обратить внимание на потенциал электорально-географических исследований в приграничных регионах, поскольку они дают возможность сравнительного изучения поведения избирателей, живущих по соседству, но в разных политических системах. Это, несомненно, будет крайне актуально именно для отечественной школы, поскольку российская граница дает самый обширный эмпирический материал для такого рода исследований. В качестве потенциальных тем для будущих исследований в данном направлении могут представлять интерес следующие задачи: оценка вероятности особого типа голосования в приграничных регионах и потенциала влияния определенных политических сил, более лояльных к приграничному соседу, независимо от идеологической составляющей; изучение значения внешнеэкономической ориентации, а также этнического фактора в электоральном поведении населения приграничных территорий. Представляется, что обращение к таким темам может вывести российскую школу электоральной географии на качественно новый уровень обобщений.

Список литературы

1. Артоболевский, С. С. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ / С. С. Артоболевский, П. Я. Бакланов, А. И. Трейвиш // Вестник Российской академии наук. – 2009. – Т. 79, № 2. – С. 101–112.
2. Артоболевский, С. С. Приграничные территории Российской Федерации: что может и хочет государство? / С. С. Артоболевский // Российское экспертное обозрение. – 2006. – № 4. – С. 9.
3. Артоболевский, С. С. Российско-белорусское приграничное сотрудничество (результаты экспедиционных исследований в Смоленской и Могилевской областях) / С. С. Артоболевский, Т. Л. Бородина,

- И. Н. Волкова, О. Б. Глезер, Т. В. Ханташкеева, В. И. Часовский // Псковский регионологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 152–163.
4. Артоболевский, С. С. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации / С. С. Артоболевский, Л. Б. Вардомский // Проблемы общественной географии. – Киев, 2010. – С. 14–26.
5. Ахременко, А. С. Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований / А. С. Ахременко // Политическая наука. – 2009. – № 1. – С. 32–59.
6. Ахременко, А. С. Электоральные различия регионов России как предмет статистического анализа / А. С. Ахременко // Pro пупс, Современные политические процессы. – 2006. – Т. 4, № 1. – С. 121–138.
7. Банников, А. Ю. Приграничное сотрудничество Российской Федерации в стратегии пространственного развития страны / А. Ю. Банников // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. – 2018. – Т. 4 (70), № 2. – С. 14–24.
8. Бийжанова, Э. К. Социальная политика региональной власти: развитие социокультурного потенциала приграничья / Э. К. Бийжанова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70), № 4. – С. 3–9.
9. Вардомский, Л. Б. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития / Л. Б. Вардомский // Россия и современный мир. – 2000. – № 2 (27). – С. 54–64.
10. Весна 89: География и анатомия парламентских выборов / Л. В. Смирнягин, А. В. Березкин, Н. В. Петров, В. А. Колосов. – Москва : Прогресс, 1990. – 383 с.
11. Голубчик, М. М. Политическая география мира / М. М. Голубчик. – Смоленск : Смоленский гос. ун-т, 1998. – 312 с.
12. Гришин, Н. В. Динамика электоральных предпочтений населения Юга России / Н. В. Гришин. – Москва, 2008. – 181 с.
13. Жабрев, А. А. Развитие приграничного сотрудничества – цель и совокупность задач стратегического развития Северо-Запада Российской Федерации / А. А. Жабрев, Н. М. Межевич, А. Н. Леонтьева // Псковский регионологический журнал. – 2011. – № 12. – С. 3–9.
14. Замятина, Н. Ю. Новые образы пространства России / Н. Ю. Замятина // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 212.
15. Зиновьев, А. С. Геополитический раскол в электоральной географии Литвы / А. С. Зиновьев // Региональные исследования. – 2015. – № 3 (49). – С. 48–56.
16. Каледин, Н. В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции / Н. В. Каледин. – Санкт-Петербург : С.-Петербургский ун-т, 1996. – 163 с.
17. Колосов, В. А. Как изучать новое пограничье России / В. А. Колосов // Международные процессы. – 2004. – Т. 2, № 3 (6). – С. 89–95.
18. Колосов, В. А. Геополитика и политическая география / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. – Москва : Аспект-пресс, 2001. – 479 с.
19. Колосов, В. А. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество / В. А. Колосов, Р. Ф. Туровский // Известия Российской академии наук. Сер. Географическая. – 1997. – № 5.
20. Колосов, В. А. Типология новых российских границ / В. А. Колосов, Р. Ф. Туровский // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. – 1999. – № 5.
21. Колосов, В. А. Электоральная карта современной России: генезис, структура, эволюция // В. А. Колосов, Р. Ф. Туровский // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 4. – С. 33–46.
22. Коргунюк, Ю. Г. Электоральные размежевания и мотивы голосования / Ю. Г. Коргунюк // Политика: Анализ, хроника, прогноз. – 2011. – № 2 (61). – С. 84–99.
23. Коргунюк, Ю. Г. Модель размежеваний и российские выборы: постановка исследовательской задачи / Ю. Г. Коргунюк // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука. – Москва : Российская ассоциация политической науки, 2010. – С. 334–372.
24. Липсет, С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания / С. Липсет, С. Роккан // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 208–225.
25. Манаков, А. Г. Динамика трансграничных контактов западных районов Псковской области в 2003–2013 гг. / А. Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 17. – С. 98–107.
26. Межевич, Н. М. Границы в современном мире: новые качества в условиях глобализации / Н. М. Межевич // Псковский регионологический журнал. – 2006. – № 3. – С. 3–13.
27. Морачевская, К. А. Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией районов России / К. А. Морачевская // Региональные исследования. – 2010. – № 4 (30). – С. 61–69.
28. Окунев, И. Ю. Политическая география / И. Ю. Окунев. – Москва, 2019. – 512 с.
29. Орешкин, Д. Б. География электоральной культуры и цельность России / Д. Б. Орешкин // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 1. – С. 73–93.

30. Петров, В. В. Прикладная политическая география: понятие и проблемы становления / В. В. Петров // Региональные исследования. – 2006. – № 1. – С. 57–62.
31. Петров, Н. Электоральный ландшафт России / Н. Петров, А. Титков // Demoskop Weekly. – 2004. – № 1. – С. 159.
32. Подъячев, К. В. Политические партии и социально-политическое развитие приграничных регионов РФ: опыт непосредственного наблюдения / К. В. Подъячев // Вестник Института социологии. – 2014. – № 4 (11). – С. 60–72.
33. Попкова, Л. И. Теория и практика приграничных исследований / Л. И. Попкова // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2019. – Т. 5 (15), вып. 1. – С. 243–249.
34. Родоман, Б. Б. Основные типы географических границ / Б. Б. Родоман // Географические границы. – Москва : Московский гос. ун-т, 1982. – С. 19–33.
35. Родоман, Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии / Б. Б. Родоман. – Смоленск : Ойкумена, 1999. – 256 с.
36. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В. А. Колосова. – Москва : ИП Матушкина И. И., 2018. – 562 с.
37. Структура и динамика российского электорального пространства. Круглый стол // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 2. – С. 80–110.
38. Тарасов, И. Н. География электоральной волатильности в Варминско-Мазурском воеводстве Польши / И. Н. Тарасов, Е. С. Фидря // Балтийский регион. – 2016. – Т. 8, № 4. – С. 78–89.
39. Титаренко, Л. Г. Теории пограничья / Л. Г. Титаренко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. 16, № 2. – С. 28–48.
40. Туровский, Р. Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России / Р. Ф. Туровский // Политика: Анализ, хроника, прогноз. – 2005. – № 4. – С. 161–202.
41. Туровский, Р. Ф. Политическая география / Р. Ф. Туровский. – Смоленск : Смоленский гос. ун-т, 1999. – 381 с.
42. Туровский, Р. Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа / Р. Ф. Туровский // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 1995. – № 3. – С. 33.
43. Туровский, Р. Ф. Региональное измерение электорального процесса / Р. Ф. Туровский // Общественные науки и современность. – 2006. – № 5. – С. 1–20.
44. Федоров, Г. М. О международных «коридорах развития» и их формировании в приграничных субъектах Федерации / Г. М. Федоров // Региональные исследования. – 2018. – № 3 (61). – С. 76–83.
45. Халий, И. А. Современное российское приграничье: общие характеристики / И. А. Халий // Вестник Института социологии. – 2014. – № 11. – С. 23–33.
46. Электоральный ландшафт // Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов / под ред. М. Макфола, Н. Петрова, А. Рябова ; Московский центр Карнеги. – Москва : Гендальф, 2000. – С. 49–96.
47. Taylor, P. J. Political Geography / P. J. Taylor, C. Flint. World-Economy, Nation-State and Locality. – Harlow : Fourth Edition, 2000.

References

1. Artobolevskiy, S. S. Baklanov, P. Ya., Treyvish, A. I. Prostranstvo i razvitiye Rosssi: polimasshtabnyy analiz [Russia's Space and Development: a Multiscale Analysis]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of Russian Academy of Science], 2009, vol. 79, no. 2, pp. 101–112.
2. Artobolevskiy, S. S. Prigranichnye territorii Rossiyskoy Federatsii: chto mozhet i khochet gosudarstvo? [The Border Territories of the Russian Federation: What Can and Wants the State?]. *Rossiyskoe ekspertnoye obozrenie* [Russian expert review], 2006, no. 4, p. 9.
3. Artobolevskiy, S. S., Borodina, T. L., Volkova, I. N., Glezer, O. B., Khantashkeeva, T. V., Chasovskiy, V. I. Rossiysko-belorusskoye prigranichnoye sotrudnichestvo (rezultaty ekspeditsionnykh issledovaniy v Smolenskoj i Mogilevskoy oblastyah) [Russian-Belarusian Cross-Border Cooperation (Results of Field Research in the Smolensk and Mogilev regions)]. *Pskovskiy regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regional Journal], 2006, no. 2, pp. 152–163.
4. Artobolevskiy, S. S., Vardomsky, L. B. Prigranichnye arealy i regionalnaya politika v Rossiyskoy Federatsii [Cross-border Areas and Regional Policy in the Russian Federation]. *Problemy obshchestvennoy geografii* [Problems of public geography]. Kiev, 2010, pp. 14–26.
5. Akhremenko, A. S. Prostranstvennyy elektoralnyy analiz: kharakteristika metoda, vozmozhnosti krossnatsionalnykh sravnitelnykh issledovaniy [Spatial Electoral Analysis: Characteristic of the Method, Possibilities of Cross-National Comparative Studies]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2009, no. 1, pp. 32–59.
6. Akhremenko, A. S. Elektoralnye razlichiya regionov Rossii kak predmet statisticheskogo analiza [Electoral Differences of Russian Regions as a Subject of Statistical Analysis]. *Pro nunc, Sovremennyye politicheskie protsessy* [Pro nunc, Modern Political Processes], 2006, vol. 4, no. 1, pp. 121–138.

7. Bannikov, A. Yu. Prigranichnoe sotrudnichestvo Rossiyskoy Federatsii v strategii prostranstvennogo razvitiya strany [Cross-Border Cooperation of the Russian Federation in the Strategy of Spatial Development of the State]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Geography. Geology], 2018, vol. 4 (70), no. 2, pp. 14–24.
8. Biyzhanova, E. K. Sotsialnaya politika regionalnoy vlasti: razvitie sotsiokulturnogo potentsiala prigranichya [Social Policy of Regional Authorities: the Development of the Sociocultural Potential of the Border]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2018, vol. 4 (70), no. 4, pp. 3–9.
9. Vardomsky, L. B. Prigranichnyy pooyas Rossii: problemy i tendentsii razvitiya [The Border Zone of Russia: Challenges and Development Trends]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2000, no. 2 (27), pp. 54–64.
10. Smirnjagin, L. V., Berezkin, A. V., Petrov, N. V., Kolosov, V. A. *Vesna 89: Geografiya i anatomija parlamentskih vyborov* [Spring 89: Geography and Anatomy of Parliamentary Elections]. Moscow, Progress Publ., 1990, 383 p.
11. Golubchik, M. M. *Politicheskaya geografiya mira* [Political Geography of the World]. Smolensk, Smolensk State University, 1998, 312 p.
12. Grishin, N. V. *Dinamika elektoralnykh predpochteniy naseleniya Yuga Rossii* [Electoral Preferences Dynamics of the Population of the South of Russia]. Moscow, 2008, 181 p.
13. Zhabrev, A. A., Mezhevich, N. M., Leontieva, A. N. Razvitie prigranichnogo sotrudnichestva – tsel i sovpokupnost zadach strategicheskogo razvitiya Severo-Zapada Rossiyskoy Federatsii [The Development of Cross-Border Cooperation – the Goal and Set of Tasks for the Strategic Development of the North-West of the Russian Federation]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal* [Pskov Regional Journal], 2011, no. 12, pp. 3–9.
14. Zamyatina, N. Yu. *Novye obrazy prostranstva Rossii* [New Images of the Space of Russia]. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Fatherland], 2002, no. 6, p. 212.
15. Zinovev, A. S. Geopoliticheskiy raskol v elektoralnoy geografii Litvy [Geopolitical Split in the Electoral Geography of Lithuania]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional studies], 2015, no. 3 (49), pp. 48–56.
16. Kaledin, N. V. *Politicheskaya geografiya: istoki, problemy, printsipy nauchnoy kontseptsii* [Political Geography: Sources, Problems, Principles of a Scientific Concept]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1996, 163 p.
17. Kolosov, V. A. Kak izuchat novoe pograniche Rossii [How to Study the New Borderland of Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], 2004, vol. 2, no. 3 (6), pp. 89–95.
18. Kolosov, V. A., Mironenko, N. S. *Geopolitika i politicheskaya geografiya* [Geopolitics and Political Geography]. Moscow, Aspekt-press, 2001, 479 p.
19. Kolosov, V. A., Turovsky, R. F. *Sovremennyye gosudarstvennyye granitsy: novye funktsii v usloviyakh integratsii i prigranichnoe sotrudnichestvo* [Modern State Borders: New Functions in the Context of Integration and Cross-Border Cooperation]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], 1997, no. 5.
20. Kolosov, V. A., Turovsky, R. F. *Tipologiya novykh rossiyskikh granits* [Typology of New Russian Borders]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], 1999, no. 5.
21. Kolosov, V. A., Turovsky, R. F. *Elektoralnaya karta sovremennoy Rossii: genezis, struktura, evolyutsiya* [The Electoral Map of Modern Russia: Genesis, Structure, Evolution]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Policy research], 1996, no. 4, pp. 33–46.
22. Korgunyuk, Yu. G. *Elektoralnye razmezhevaniya i motivy golosovaniya* [Electoral Delimitations and Voting Motives]. *Politiya: Analiz, khronika, prognoz* [Politia: Analysis, Chronicle, Forecast], 2011, no. 2 (61), pp. 84–99.
23. Korgunyuk, Yu. G. *Model razmezhevaniya i rossiyskie vybory: postanovka issledovatel'skoy zadachi* [The model of Delimitation and the Russian Election: the Research Problem Formulation]. *Mirovoy krizis i politicheskie izmeneniya. Politicheskaya nauka* [World crisis and political change. Political science], 2010, pp. 334–372.
24. Lipset, S., Rokkan, S. *Struktury razmezhevaniy, partiynye sistemy i predpochteniya izbirateley. Predvaritelnye zamechaniya* [Disengagement Structures, Party Systems and Voter Preferences. Preliminaries]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2004, no. 4, pp. 208–225.
25. Manakov, A. G. *Dinamika transgraniichnykh kontaktov zapadnykh rayonov Pskovskoy oblasti v 2003–2013 gg.* [Dynamics of Cross-Border Contacts of the Western Districts of the Pskov Region in 2003–2013]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal* [Pskov Regional Journal], 2014, no. 17, pp. 98–107.

26. Mezhevich, N. M. Granitsy v sovremennom mire: novye kachestva v usloviyakh globalizatsii [Borders in the Modern World: New Qualities in Globalization]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal* [Pskov Regional Journal], 2006, no. 3, pp. 3–13.
27. Morachevskaya, K. A. Prigranichnost i periferiynost kak faktory razvitiya prigranichnykh s Belorussiei rayonov Rossii [Cross-Borderness and Peripherality as Factors in the Development of Russian Regions Bordering Belarus]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional studies], 2010, no. 4 (30), pp. 61–69.
28. Okunev, I. Yu. *Politicheskaya geografiya* [Political Geography]. Moscow, 2019, 512 p.
29. Oreshkin, D. B. Geografiya elektoralnoy kultury i tselnost Rossii [Geography of Electoral Culture and the Integrity of Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Policy research], 2001, no. 1, pp. 73–93.
30. Petrov, V. V. Prikladnaya politicheskaya geografiya: ponyatie i problemy stanovleniya [Applied Political Geography: Concept and Problems of Formation]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional studies], 2006, no. 1, pp. 57–62.
31. Petrov, N., Titkov, A. Elektoralnyy landshaft Rossii [Electoral Landscape of Russia]. *Demoskop Weekly*, 2004, no. 1, p. 159.
32. Podyachev, K. V. Politicheskie partii i sotsialno-politicheskoe razvitie prigranichnykh regionov RF: opyt neposredstvennogo nablyudeniya [Political Parties and the Socio-Political Development of the Border Regions of the Russian Federation: the Experience of Direct Observation]. *Vestnik Instituta Sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2014, no. 4 (11), pp. 60–72.
33. Popkova, L. I. Teoriya i praktika prigranichnykh issledovaniy [Theory and Practice of Cross-Border Research]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and ecogeodynamics of regions], 2019, vol. 5 (15), iss. 1, pp. 243–249.
34. Rodoman, B. B. Osnovnye tipy geograficheskikh granits [Main Types of Geographical Boundaries]. *Geograficheskie granitsy* [Geographic boundaries]. Moscow, Moscow State University Publ., 1982, pp. 19–33.
35. Rodoman, B. B. *Territorialnye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoy geografii* [Territorial Areas and Networks. Essays on Theoretical Geography]. Smolensk, Oykumena Publ., 1999, 256 p.
36. Rossiyskoe pograniche: vyzovy sosledstva [The Russian Borderlands: Challenges of the Neighborhood]. Ed. by V. A. Kolosova. Moscow, Matushkina I. I. Publ., 2018, 562 p.
37. Struktura i dinamika rossiyskogo elektoralnogo prostranstva [Structure and Dynamics of the Russian Electoral Space]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Policy research], 2000, no. 2, pp. 80–110.
38. Tarasov, I. N., Fidrya, E. S. Geografiya elektoralnoy volatilnosti v Varminsko-Mazurskom voevodstve Polshi [Geography of Electoral Volatility in the Warmian-Masurian Voivodeship of Poland]. *Baltiyskiy region* [Baltic region], 2016, vol. 8, no. 4, pp. 78–89.
39. Titarenko, L. G. Teorii pogranichya. [Borderland Theories]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2013, vol. 16, no. 2, pp. 28–48.
40. Turovsky, R. F. Kontseptualnaya elektoralnaya karta postsovetskoy Rossii [Conceptual Electoral Map of Post-Soviet Russia]. *Politiya: Analiz, khronika, prognoz* [Politia: Analysis, Chronicle, Forecast], 2005, no. 4, pp. 161–202.
41. Turovsky, R. F. *Politicheskaya geografiya* [Political Geography]. Smolensk, Smolensk State University Publ., 1999, 381 p.
42. Turovsky, R. F. Politicheskiy landshaft kak kategoriya politicheskogo analiza [The Political Landscape as a Category of Political Analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12 "Politicheskie nauki"* [Bulletin of Moscow University. Series 12 "Political Sciences"], 1995, no. 3, p. 33.
43. Turovsky, R. F. Regionalnoe izmerenie elektoralnogo protsesssa [Regional Dimension of the Electoral Process]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity], 2006, no. 5, pp. 1–20.
44. Fedorov, G. M. O mezhdunarodnykh "koridorakh razvitiya" i ikh formirovaniy v prigranichnykh subyektakh Federatsii [On the International "Corridors of Development" and their Formation in the Border Subjects of the Federation]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional studies], 2018, no. 3 (61), pp. 76–83.
45. Khalii I. A. Sovremennoe rossiyskoe prigraniche: obshchie kharakteristiki [Modern Russian Borderland: General Characteristics]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2014, no. 11, pp. 23–33.
46. Elektoralnyy landshaft [Electoral Landscape]. *Rossiya v izbiratel'nom tsikle 1999–2000 godov* [Russia in the 1999–2000 election cycle]. Ed. by M. Makfola, N. Petrova, A. Ryabova. Moscow, Gendalf Publ., 2000, pp. 49–96.
47. Taylor, P. J., Flint, C. *Political Geography. World-Economy*. Harlow : Fourth Edition, 2000.